

И С Т О Р И Я

Сергей Шелин

СЕМЬ ВЕРСТ ДО НЕБЕС, И ВСЕ ЛЕСОМ

Проблемы русской революции

Как мне говорить с вами, отцы-сенаторы? Что говорить, а о чем пока и не говорить?

В конце прошлого века мировая история приобрела подобие единого ритма. Сразу в нескольких местах независимо друг от друга начались общественные катаклизмы. Немного спустя кризис захватил уже всю землю и затух только к началу пятидесятих годов.

Человеку свойственно тем слабее сопротивляться обстоятельствам, чем больше их масштаб. Но при этом он с особым интересом наблюдает историю и пробует осмыслить ее ход. Итоги подобных раздумий не только поучительны, но и полезны, ведь в будущем, вероятно, предстоят новые кризисы, к которым следует заранее подготовиться.

Трудно проникнуть в суть случившегося, если смотреть на него со стороны. Чтобы стали понятны связи между событиями, необходимо учесть подробности непомерного числа больших и малых происшествий. Разум не может охватить целиком столь сложную картину, даже если допустить, что все потребные факты известны и доступны. Поэтому модели общественных процессов обычно заготавливают заранее, а их достоверность проверяют фактами, способы отбора и формулирования которых заложены в самих этих моделях. Ясно, что такой подход приводит скорее к иллюзиям, чем к знанию.

Другого рода односторонность возникает при полном погружении в изучаемую среду. Вдыхая воздух прежнего времени, нетрудно понять поступки людей, но очень трудно осмыслить логику исторического процесса, разобраться в его механизме.

Наилучшие результаты, видимо, обещает третий путь: априорные модели употреблять, но испытывать их не столько "фактами", сколько личным чувственным знанием исторической атмосферы. Успеха здесь может добиться любой благоразумный человек, даже если он и не очень осведомлен. При неизбежных наивности и предвзятости, созданный этим способом образ прошлого будет все-таки максимально правдивым в пределах, поставленных авторским опытом и умом.

Сам предмет исследования, разумеется, может быть более или менее удобным. Лучше всего, если события успели отодвинуться на достаточную временную дистанцию, но духовный климат, в котором они происходили, еще не утрачен. Та часть всемирного кризиса, которая прилась на долю России, вполне подходит к этим требованиям. Времени с тех пор прошло немало, а зоны реликтового кризисного духа по-прежнему изобилуют в русской жизни, и легко доступны чувственному изучению. Поэтому весь дальнейший обзор будет посвя-

ден российским делам. Безусловно, попытка обсудить их, не заглядывая вовне, может показаться порочной. Но как раз тогда Россия скорее оказывала влияние, чем подвергалась ему. Мировой кризис выступит здесь как мысленный и неоговариваемый контекст российских событий. Их сопоставление станет внутренней основой для оценок основных этапов нашей революции.

Рассказ будет достаточно упрощенным и затронет лишь те стороны русского быта, которые имели тогда решающее значение. Надо пояснить также, что Россией здесь именуется все многоплеменное государство, а понятием "русский народ" обозначены не только собственно русские, но и малые, подчиненные нации, в той мере, в какой они действовали совместно.

Первым был век золотой. Введение. Народ и государство. Предыстория и начало кризиса. До 1917.

В давние времена дух общинности и служения власти, наверное, преобладал в России. Похоже, что постепенный его распад и пробудил в крестьянах тягу к идеальному миропорядку, при котором земледельцы, соединенные в общины, покорствуют божьему государству и мирно трудятся, равномерно деля между собою жизненные блага.

Такое мирозозерцание было обыкновенным для восточных народов, но в России отстояло от реальности гораздо дальше, чем на Востоке. Расстояние между жизнью и идеалом не было так велико, чтобы разрушить идеал, но при этом достаточно ощутимо, чтобы придать духовному быту болезненный надрыв (очень полезный, кстати, для развития искусства), а в социальные отношения внести разлад и горечь.

Конечно, общественные порядки, какой бы наружный облик они ни принимали, в своей сущности не могли слишком уж далеко отойти от довлеющих народу норм. Поэтому всякие сословные и материальные разграничения укоренялись плохо. И вообще, проявления индивидуализма встречали твердый отпор. Правда, по внешним признакам личностность была здесь лучше ограждена, чем в странах Востока. Но русское народное сознание никогда не принимало формальную законность слишком всерьез. Навязанные временем новшества люди ощущали как давящую оболочку, которую необходимо с себя сорвать.

В старину идеал социальной гармонии больше всего оскорбляло крепостное право. Военные служилые люди издавна получали от государства в пользование землю с крестьянами. Со временем земля стала их собственностью, а крестьяне — рабами. В восемнадцатом веке крепостнический уклад охватил уже половину населения страны. Ра-



ди восстановления справедливости повстанцы Е.И.Пугачева пытались поголовно уничтожить дворян. Сходные способы решения социальных конфликтов еще ранее практиковали цари-реформаторы Иван Грозный и Петр Великий. Теперь, по мере того, как государство все больше устранилось от борьбы за гармонию, эту задачу брали на себя низы. Но вопреки их сопротивлению общественная структура продолжала усложняться.

Ответом на эти процессы стали Великие реформы Александра П. Государство согласилось уменьшить свое вмешательство во все сферы жизни. Помещичий уклад отделили от крестьянского. Казалось, что возникший духовный вакуум заполнят индивидуалистические ценности. Так и случилось, но далеко не везде.

Представления о личном достоинстве и свободе получили быстрое, кое в чем даже преувеличенное развитие. Но такой фундаментальный аспект индивидуализма, как уважение к частной собственности и предпринимательству, воспринимался с большим трудом. В деревне реформы законсервировали общинный порядок. Крестьянский идеал оставался прежним: полное уравнивание имуществ. Этими чувствами было пропитано и возникающее гражданское общество (интеллигенция), которое переводило стихийные устремления масс на уровень социалистических идей разной окраски. Любого рода предприниматели выглядели в глазах большинства (и отчасти в своих собственных) как антиобщественные элементы, что накладывало соответствующую печать на их поведение.

Административные связи не были заменены партнерскими. Крестьяне хотели пустить в дележку имущество и землю помещиков. Пришедшие из деревни фабричные рабочие не могли привыкнуть к буржуазным порядкам. "Частный сектор" в городах был духовно изолирован. В неустойчивом положении оказалось и государство. Основные его опорные группы — землевладельцы и крестьяне — не желали сотрудничать друг с другом. Партнерство с гражданским обществом тоже никак не налаживалось. Соединение эгалитаризма и свободолюбия делало русских интеллигентов революционерами и традиционалистами одновременно. Режим был теперь чужд тому и другому. Разрыв между государством и обществом мешал становлению либеральных представительных институтов. Когда же они позднее возникли, то воспринимали себя в значительной мере как деструктивную силу, противостоящую старым центрам власти.

К началу правления Александра III эти проблемы обозначились достаточно четко. Их стержнем был конфликт между болезненно деформировавшими друг друга архаичными и перспективными секторами

социальной жизни и общественного сознания. Видимо, единственным целесообразным для власти курсом могла стать реконструкция всех столкнувшихся укладов, их постепенное приспособление к реалиям мирового развития. Но режим, лишенный дальновидного руководства, осмыслял свою политику в рамках безнадежной альтернативы: общая либерализация или строгий административный нажим.

Новое ограничение власти, которого добивалась умеренная часть интеллигенции (в то время, как радикальная ее часть уже вела войну с государством), привело бы к анархии и вдобавок могло бы поднять против империи подчиненные народы. Поэтому, вполне в духе традиций был принят репрессивный курс. Конфликты на время ушли вглубь. Потом, в 1905—1906 годах под революционным давлением пришлось начать уже либерализацию, и режим ясно ощутил близость гибели. Только после этого предприняли не очень уверенную попытку социальной перестройки.

Главной целью столыпинских реформ, проводимых твердыми авторитарными методами, было создание широкого слоя крепких земельных хозяев. Наделы для них были изъяты из общинных владений, выделены на целинных землях или отняты у национальных меньшинств. Преобразования имели лишь частичный успех и через несколько лет стали загнивать. Гибель В.А. Столыпина едва ли была тут главной причиной. Общий репрессивный климат, в котором осуществлялись запоздалые и притом односторонние реформы, не мог возбудить в обществе доброжелательного отношения к ним. Они оставались делом правящей элиты, которая к тому времени была уже непригодна для столь сложной и не определенной по последствиям деятельности.

Деревенские и городские частные владельцы, призванные стать опорной группой режима, сохраняли ощущение собственной гражданской неполноценности. У них крепились плебейские антиаристократические чувства и тяга к сильной власти фашистского типа. Старое дворянское государство недостаточно уверенно шло навстречу их пожеланиям. Большинство крестьян осталось в общинах, внутри которых все время росло напряжение. Общинные институты медленно загнивали, а серьезных попыток приспособить их к условиям рыночного уклада не делалось. Встревоженные реформами общинники теряли доверие к государственной власти. В таких обстоятельствах проводить устойчивый реформистский курс могла только твердая воля самодержавного правителя. Николай II такой воли не имел.

Ясно, что столыпинские реформы, в том виде, в каком они были исполнены, не смягчили, а скорее усилили социальные конфликты.

Основная масса населения в деревне и в городе сохранила старые уравнилительные помыслы. По мере того, как практика все больше расходилась с идеалом, росла горечь и являлась потребность в расправе с привилегированными слоями. Первая мировая война только ускорила приход нового, уже необратимого кризиса.

Доброе дело само себя хвалит. Кризис: общий обзор.  
До 50-х.

Кризисное время включает: предреволюционные события (уже обсужденные), собственно революцию и события, которые непосредственно вслед за нею произошли. Сам революционный период, в свою очередь, довольно четко делится на пять этапов:

1. Первый социальный переворот (начало 1917 — конец 1918)
2. Стабилизация революционного режима (1919—1920)
3. Кризис власти (осень 1920—1921)
4. Гражданское перемирие (1921—1927)
5. Второй социальный переворот (1928— начало 30-х)

Ломка прежних общественных укладов была закончена примерно к 1932 — 1933 годам. С этого времени развитие вступило в эволюционную фазу. Но до начала 50-х годов эволюция шла медленно, все время приостанавливаясь из-за чисток, постепенно устранивших немалую часть народа. Это последний кризисный период можно назвать суровым эпилогом революции, временем репрессивной стабилизации новых общественных структур.

Перед тем, как перейти к конкретным проблемам, следует высказать самые общие впечатления от российских революционных событий.

Русское общество пришло к революции достаточно дифференцированным в духовной и социальной сферах. Своеобразие русского плюрализма состояло в том, что общественные группы были мало склонны к сотрудничеству и проявляли растущий интерес к уничтожению друг друга. Поведение борющихся за власть элитных и контрэлитных группировок оказывалось в этом смысле сходным с действиями низовых слоев. Реализация подобных устремлений на всех фазах революционного кризиса вытравило согласительное начало из общественной жизни и отчасти из частных отношений.

В революционных условиях сложились новые стереотипы социальных связей. Взаимодействие революционной элиты с управляемыми быстро получило характер строгого диктата даже применительно к ее опорным низовым группам. В горизонтальных связях, в отличие

от вертикальных, партнерский дух сохранялся дальше. Правда, межгрупповые компромиссы в ходе революции никогда не были устойчивы. Периоды тактической терпимости, вызванной истощением сил сторон, всегда заканчивались новой социальной схваткой. Зато внутренняя (особенно внутриэлитная) сплоченность, без которой в атмосфере жесткой борьбы было немыслимо групповое выживание, какое-то время сохранялась и даже усиливалась. Она подверглась уничтожающей эрозии только к концу революционного процесса.

Другой (и тесно связанной с первой) особенностью российских событий было сочетание весьма решительного социального действия со слабым политическим сознанием. В атмосфере стихийного бунта акты общественной борьбы напоминали скорее вспышку поспудных страстей, чем реализацию политической воли. Глубокая деструкция гражданского организма и больший, чем обычно, разрыв между сферами бунта и политики открыли дорогу к власти для небольших, но хорошо организованных и решительно действующих групп.

Обладание этими качествами обеспечило большевикам победу над всеми противниками, хотя их программа и была не во всем приемлема для основной массы населения. Из анархической стихии выростала сильная власть, идеологические одежды которой должны были создаваться совместными усилиями правителей и управляемых. Из-за различия исходных позиций этот процесс оказался сложным и болезненным для обеих сторон.

Идейная борьба в тот период была совсем не однозначно связана с социальными столкновениями, но как и они, бескомпромиссна. Перед революцией в духовной жизни соседствовали не совмещавшиеся друг с другом установки — государственные, религиозные, эгалитаристские и другие. В начале кризиса при торжестве стихийного эгалитаризма многие из них пали вместе со старыми элитными группами. Но одна из этих идей — государственная — обязательно должна была возродиться, хотя бы и в новом обличье.

Приверженность власти — традиционно главная духовная ценность в России. Все остальные установки воспринимались массами как ценности второго ранга, образующие своеобразную облицовку основной. На этой почве новое государство и получило поддержку народа, поддержку, вытекающую не из социально-политической, а из духовной близости. Иррациональные уравнилельные устремления, давшие первый толчок революционному процессу, затем, как в доиндивидуалистические времена, растворились в государственной идее, возвращая ей утраченную до революции полноценность и делая ее неотразимой для народного сознания. Религиозное преклонение перед



властью усиливалось, охватив сначала низы, а потом и саму элиту.

Этот процесс шел рука об руку с общественной эволюцией. В двадцатые годы прекратилась политическая жизнь. В тридцатые — почти замерла и социальная. Гражданское и групповое сознание вытеснялось религиозным. Возникнув из подспудных устремлений людей, религия власти оказалась весьма архаичной по своему типу. Она возбуждала сильнейшее духовное напряжение, а ее обряды и ритуалы включали человеческие жертвоприношения. Культ государства требовал беззаветной верности и священного трепета. Вместе с тем он сильно смягчил старые моральные нормы и этим заметно упростил своим адептам реализацию личных целей. В русле этого культа инстинктивный эгоистический бунт легко сочетался с подвижническим исполнением верховных предначертаний. Такое соединение бессознательного своекорыстия и геройской жертвенности надолго стало социальной нормой.

В начале тридцатых годов преобразования дошли до возможного предела. Затем высшая власть сумела предупредить попятное движение и решительно упрочила свой статус.

Чрезвычайно последовательное, непреклонное проведение в жизнь обозначенных выше начал отличает русскую революцию и гарантирует ей выдающееся место в сокровищнице человеческого опыта. Попытки дать моральную оценку событиям или установить чью-либо ответственность за горькие и сладкие плоды перемен имеют достаточно ограниченный смысл. Осуществленный вариант истории не был единственно возможным, но он не менее других обоснован структурой общественных отношений и фундаментальными духовными установками, заданными всей предшествующей эволюцией России. Добрая или злая воля лидеров и даже социальных групп, взятых по отдельности, не имела здесь ключевого значения.

Дай ему волю, возьмет и две. Первый социальный переворот. 1917 — 1918.

С конца 1916 года быстро росла активность крестьян и городских бедняков. В феврале 1917 года стихийное восстание в столице ликвидировало монархию. Формальную власть взяли старые представительные институты. Все ограничения на политическую деятельность были отменены. В новом, Временном правительстве преобладали сначала либералы, позднее — умеренные социалисты. Правительство продолжало войну с Тройственным союзом, а проведение социальных реформ откладывало до созыва Учредительного собрания. В это время

крестьяне на местах приступили к разделу помещичьих земель. В армии увеличилось дезертирство. Социалистические партии организовали Советы — параллельную систему власти. Радикальная их часть предлагала взять руководство целиком в свои руки, экспроприровать частную собственность и прекратить войну. Консервативные круги готовили военный переворот. Режим, теснимый с двух сторон, испытал некоторые колебания, но затем при помощи Советов разгромил правый путч. Сильно укрепилось влияние самой радикальной советской партии — большевистской. Сторону большевиков приняли городские низы и часть армии. Временное правительство было довольно легко смещено в октябре 1917 года. Власть официально перешла к Советам, а фактически — к блоку большевиков и левых эсеров. Новый режим узаконил захват <sup>земли</sup> крестьянами, объявил об окончании войны и начал изъятие предприятий у крупных владельцев. Вскоре армия разошлась по домам, старый государственный аппарат распался, стихла экономическая жизнь. Городская беднота делила жилье и имущество богачей. В конце 1917 года прошли выборы в Учредительное собрание. Большинство мест получила партия эсеров — сторонников раздела помещичьей земли. Новая власть распустила Учредительное собрание, не встретив серьезного отпора. Несоветские партии были потом запрещены, быстро рос революционный репрессивный аппарат. Весной 1918 года заключили неравноправный мир с Германией. Левые эсеры его не одобрили. Большевики стали отнимать у крестьян продовольствие для прокормления городов. Одновременно они поощряли экспроприацию богатых крестьян сельской беднотой. Добытое делили между собой деревенские бедняки и городские продовольственные отряды. В связи с этим левые эсеры окончательно порвали с большевиками и летом подняли восстание. Обе стороны располагали небольшими и примерно равными силами. Дело кончилось тем, что большевики взяли верх. Они стали фактически единственной легальной партией. Основная масса крестьян и горожан пока держалась в стороне от борьбы. Осенью большевики репрессировали большое число своих явных и предполагаемых противников. Решительно укреплялись административные, военные и карательные механизмы новой власти. Под государственный контроль взяли промышленные предприятия. В деревне с помощью комитетов бедноты завершили второй круг земельных разделов. Владения кулаков и многих зажиточных крестьян перешли к обездоленным. Большую часть сельских продуктов государство забирало путем продразверстки. Крестьян сильно беспокоили новые переделы земли. В конце 1918 года они почти прекратились.

Первый этап социальной революции был окончен. Оформилась и первая модель большевистской революционной власти. Одновременно созрели условия для гражданской войны. Социальную базу антибольшевистского движения составили слои, пострадавшие или могущие пострадать от переделов. При этом его руководящей силой стали не социалисты и не либералы, а военный аппарат свергнутого режима.

Люди знают, кому доверяют. Народ и государство: справедливость, патриотизм. До 1917.

Для любого человека, близкого к российской жизни, хуже всего постижимым в этих событиях будет, конечно, крах патриотизма — черты, казалось бы, главной в русском национальном характере. Верность отечеству явно отступила перед чувством справедливости, и притом в самый неудобный для государства момент, когда в пределы империи вошли чужеземцы. Нет причин сомневаться в самоотверженности русского солдата, но надо видеть, что это качество проявляется не когда угодно, а лишь в определенных обстоятельствах.

В традициях русского народа — не столько дисциплинированное послушание власти, сколько религиозное преклонение перед ней. В старые идеальные времена (если допустить, что идеал и жизнь когда-либо совпадали) государственная власть воспринималась как сила, созидающая весь миропорядок. Отношение к ней было как бы детским, лишенным всяких рефлексий. Защита ее от любых покушений становилась защитой мировой гармонии и не отделялась от обороны собственной жизни. Самопожертвование было здесь равносильно самосохранению, и неременная к нему готовность — такой же инстинктивной.

Старинное русское государство (так же, как и новейшее) в общем не было царством равенства, но его порядки казались поданным само собой разумеющимися. Осуждение несправедливости, полусмысленные желания все уравнивать указывали на начало обособления управляемых от власти, на кризис религиозной государственной идеи.

Честно говоря, не очень понятно, когда и насколько была близка действительность к идеальной картине. Многочисленные и разновременные факты говорят больше о разложении религиозной государственности. Но все же, нечто ей подобное было, и притом настолько прочно держалось в душах, что позднее смогло возродиться в самых решительных формах.

Религиозное сознание неоднородно, и под верхним слоем благоговейных чувств содержит слой иронии, зависти и подозрений. Такие страсти существуют всегда, но до поры ощущаются самими людьми как низкие и грешны.

В девятнадцатом веке духовная сила власти пошла на убыль, и нижний слой начал выходить на поверхность. У интеллигенции он стал почвой для растущего индивидуализма и своеобразного политического самосознания (правда, весьма бескомпромиссного, решительно повернутого против власти и имущих кругов). Зато в народной среде духовные перемены были невелики.

Можно сказать, что не столько народ отошел от старого режима, сколько режим отошел от народа. В глазах крестьян мировая гармония раскололась на две половины. Власть и справедливость перестали быть тождественны друг другу. Иерархия "слоев" нарушилась. Нижний слой стихийных агрессивных импульсов получил моральное оправдание и нацелился теперь на верхний, на государственную идею, ставшую ущербной.

Этот конфликт обострялся, когда режим попадал в трудное положение. Поэтому с начала нынешнего века военная опасность уже не укрепляла, а ослабляла его. Монархия исчезла, когда в один поток слились осознанные действия интеллигенции и стихийный напор народа.

Глаз видит далеко, но сердце — дальше. Политическая борьба и духовность. Народный мандат. 1917 — 1918.

Хотя послефевральская гражданская жизнь быстро сошла на нет, она стоит внимания, поскольку новая большевистская власть успела сложиться еще на ее поле. Политическое действо 1917 года с самого начала было революционным. Тем не менее, на первых порах в новую управляющую элиту (точнее в группу правительственных, советских и прочих элит) более или менее вписались почти все интеллигентские течения. Только через несколько месяцев политическая сфера начала быстро сужаться, выталкивая из своих пределов все новые сектора гражданского общества.

Интеллигенция как целое была достаточно революционна, чтобы начать переворот, но слишком привязана к либеральным ценностям, чтобы его продолжать. Отражением этих черт стало Временное правительство, весьма левое по целям и одновременно либеральное по стилю. Оно не могло приспособиться к условиям социальной войны. На попроще революционной политической жизни остались лишь те отряды интеллигенции, которые хотели и умели решать проблемы сило-



выми способами. Главными из них были большевики и левые эсеры. Остальные слои гражданского общества или совсем отошли от политики, или попали в контрреволюционный лагерь. Там они сыграли роль представительного фасада авторитарной военной власти, а затем вместе с ее остатками были изгнаны за рубеж.

В середине 1918 года большевики стали единственной революционной партией. С этого времени внепартийное гражданское общество исчезло. Недолгая, но замечательная история русской интеллигенции окончилась. Правда, внутри победившей партии в особых формах продолжалась политическая жизнь, и она сама какое-то время еще выступала как носитель интеллигентских ценностей.

Пока в верхних эшелонах шла борьба, массы своими способами прокладывали путь новому режиму. Сначала народный гнев и жажда справедливости нашли выход в сокрушении общественных структур и земельных разделах. Попытки Временного правительства (впрочем, достаточно благоразумные) взять события под контроль остались без последствий. Когда страсти частично насытились, а социальный распад зашел достаточно далеко, народ обрел готовность вновь подчиниться государству, но государству отнюдь не либеральному.

Надо сказать, что он и при старом режиме невысоко ценил представительные институты. Они казались ему лишь приложением к "настоящей" царской власти. Большинство людей мало ценило собственную санкцию на управление и внутренне желало увидеть наверху не ограниченное гражданское руководство, но с их точки зрения естественную, необъятную власть, воздвигнутую собственной святой силой. Новому государству предстояло стать твердым и суровым, открыто показывающим свое могущество изнутри и снаружи.

Помимо этого духовного мандата, свою роль до поры играл и политический. При всей слабости низового социально-гражданского сознания в народных симпатиях просматривался отчетливый водораздел между революционным и контрреволюционным лагерями. Первый поддерживали участники переделов, второй — слои, ставшие их объектами. Младшие либеральные партнеры белой элиты пытались внедрить в нее дух компромисса. Все же белые явно тяготели к гражданской мести. Не стремясь на деле к согласию (а это согласие было возможно только на почве признания переделов) они были такими же носителями социальной непримиримости, как и их противник, и тем самым практически всегда оставались движением меньшинства.

Народные массы по преимуществу поддерживали красных. Трудно сказать, где здесь кончался обдуманый политический выбор и начинался житейский страх перед местью ограбленных богачей. По край-

ней мере, во время борьбы между революционными партиями духовные симпатии явно взяли верх над политическими.

Выразителями социальных интересов крестьянского большинства были правые и левые эсеры. Достаточно быстрое их поражение указывает на то, что собственный политический мандат не был для народа первостепенной ценностью. Решающим оказался духовный мандат, данный большевикам. Народный выбор был тогда свободным. Подчинились не столько физическому принуждению (для которого у большевиков на первых порах не доставало возможностей), сколько духовной силе и готовности властвовать.

Крестьяне отказались от собственных социальных защитников и удовлетворились тем, что большевистская власть санкционировала и освятила их земельные захваты (если можно так выразиться, взяла "грех" на себя). Тем самым новый режим стал моральным обладателем земли (кстати, и юридическим тоже) и получил у крестьян духовное согласие эту землю у них отнять, когда сложится благоприятная обстановка.

Если в деревне большевики могли рассчитывать лишь на нравственную близость, то в городах они имели <sup>были</sup> сильные социальные опорные группы. Самые прочные связи у них с промышленными рабочими. Хотя духовный и политический мандаты здесь совпадали, для этого слоя первый тоже оказался сильнее и, главное, долговечнее второго.

Где родился, там и пригодился. Большевики. Партийная миссия. Подпольщики. До 1919.

Большевистская партия стала верховным источником власти, морали и авторитета. Нередко ее прошлое меряют позднейшей мерой и представляют дореволюционных большевиков как некую централизованную государственную силу, пускай и лишенную до поры до времени своего государства. Такой подход не дает понять события и вдовбавок обесценивает напряженные духовные поиски, в которых бывшие бунтари обрели умение быть служилыми людьми.

Хотя истоки партии уходят в прошлый век, идеология и состав ее активного ядра более или менее определились только к концу 1918 года. Можно сказать, что сама революционная обстановка создала подходящую для нее общественную элиту.

В феврале, когда левые партии вышли из подполья и полуподполья, большевиков-сторонников В.И.Ленина было, видимо, тысяч десять-пятнадцать. Вскоре с ними соединились несколько близких

по происхождению групп, самую крупную из которых возглавлял Л.Д. Троцкий. "Подпольщики" потом долго оставались самым чтимым партийным слоем.

Это разноплеменное собрание смелых неудачников, как никакое другое интеллигентское течение, было готово к диалогу с русским народом. В большинстве они были тогда молодыми людьми лет тридцати, разного происхождения, с ограниченным личным опытом и довольно четко выраженными антисоциальными наклонностями. Гонения воспитали интимную сплоченность и психологию боевого отряда, идущего по враждебному краю. При этом дофевральские большевики имели все внешние признаки российской левой партии, мало отличаясь от других по своей организации, способам принятия решений и этическим правилам. Они пока исповедовали главные интеллигентские ценности, хотя в либеральный индивидуализм верили слабее всех. Понятно, что в сильных, тяготеющих к нравственности натурах деструктивный антисоциальный дух всегда уравнивается миростроительным фанатизмом. Подобные настроения, присущие не только российским левым, но и либералам, у большевиков были развиты в особенно высокой степени. Идея партийной миссии, ведущей к строительству земного рая, вносила в их сознание значительный религиозный компонент. Сходство религиозных чувств направляло народные массы к большевикам, хотя их общественные идеалы по внешности отличались друг от друга.

Впрочем, к февралю большевики еще не составили партию нового типа, они только могли ею стать. Их сила, выросшая из антисоциального прагматизма, проявилась именно в способности к перестройке, в умении для пользы дела изменить собственную политику и отбросить принципы, которые другим партиям казались не подлежащими пересмотру.

Двойственное отношение ко многим общественным целям и нормам в обстановке социального кризиса часто само по себе было плюсом, поскольку сходилось с народным к ним подходом и помогало с более или менее одинаковой искренностью сначала следовать объявленным путем, а потом менять его на противоположный. Демократическая агитация до Октября и свертывание демократии после него; сначала ломка старого бюрократического аппарата, потом создание нового, еще более обширного — в этом было меньше сознательного цинизма, чем иногда думают, и гораздо больше умения честно менять свои взгляды, изначально не очень твердые.

Сама по себе партийная монополия не была заготовлена заранее. Перед Октябрем и сразу после него видные большевистские лидеры

(Л.Б.Каменев, Г.Е.Зиновьев, А.И.Рыков и др.) выступали за совместные действия и совместное управление со всеми остальными социалистическими партиями. Противоположное мнение взяло верх не просто потому, что его отстаивали более влиятельные вожди — В.И.Ленин и Л.Д.Троцкий. Скорее наоборот, авторитет последних укреплялся, поскольку проводимый ими курс со временем все больше себя оправдывал. Их оппоненты быстро убедились в этом. Аморфный блок всех сил "демократии" был бы не сильнее, а слабее боевого большевистско-левоэсеровского союза. Поскольку мотивы удержания власти явно выходили на первый план, большевики затем осознали и провели необходимые для этого меры: ликвидировали сначала либеральные порядки, а потом и собственных эсеровских партнеров.

Особенно важные изменения в партийной идеологии случились во время борьбы вокруг Брестского мира. Раньше внимание было направлено на ломку старых порядков. Собственную революцию большевики рассматривали как первый акт мировой и буквально со дня на день ждали продолжения. Поэтому ортодоксальные партийцы противились заключению мира с немцами. Это как бы случайно совпадало с патриотическими стремлениями почти всех небольшевистских сил. Однако прагматические лидеры настояли на капитуляции. Они тоже ждали мировую революцию, но видимо догадывались, что война потребует национального единства, затормозит революционный процесс в России и при любом исходе ослабит большевиков. С этого времени расчеты на всемирную революционную власть навсегда отошли на второй план.

Для большевиков Брестский мир стал судьбоносным. Главная ставка была сделана теперь на Россию. Продолжая революцию, можно было начать и государственное строительство в приемлемых для народа формах. "Антипатриотический" мир заключила партия, больше всех удаленная от прежней официальной нормы, через которую даже левые эсеры не сумели переступить. Тем самым была окончательно порвана внешняя связь между старой и новой властью, что облегчило создание революционного режима на самостоятельной и поэтому глубоко традиционной основе.

Пока все это происходило, состав большевистской партии быстро менялся. Между Февралем и Октябрем она выросла во много раз. Среди коммунистов семнадцатого года были выходцы из других партий, но основную массу составили новые народные люди с неразвитым политическим сознанием. В следующем году большевиками стали многие члены побежденных левых партий и большое число молодых активных солдат, рабочих и разночинцев. Те и другие присоединились к



победителям, предполагая отличиться на службе у нового государства. Сначала большевики в видах собственного упрочения брали к себе всех желающих, но скоро прием в партию был уменьшен, а выход новых людей на верхние этажи партийной власти прекратился почти полностью.

Примерно к концу 1918 года образовалась партийная элита из нескольких десятков тысяч человек. Для простоты будем дальше называть этот слой подпольщиками, хотя на самом деле он содержал много коммунистов 1917 и 1918 года. Стабильность его поддерживалась довольно долго — вплоть до чисток середины тридцатых годов. На первых порах единство слоя было относительным. Процессы консолидации вполне взяли верх только через несколько лет, когда спайка, унаследованная от подпольных времен перешла в чувство кастовой солидарности. Но и в ранние годы размежевание элиты было в основном функциональным, а разнородность происхождения не очень сильно давала себя знать. Выраженные национальные фракции тогда не оформились. Некоторый дух этнического сплочения выказывали только латыши — третья по величине (после русских и евреев) национальная группа в элите. Он объяснялся, видимо, сравнительно поздним приходом в партию большинства из них. Конфликты между элитными "рабочими" и "интеллигентами" к 1922 году сошли на нет.

Установки партийной элиты были двойственны. С одной стороны она стала теперь чиновной верхушкой, и в ее психологии необратимо укоренилось служилое начало. Новым коммунистам это было свойственно в большей, старым — в несколько меньшей степени. С другой стороны, именно внутри элиты (а не среди партии в целом) сохранялась политическая жизнь. Здесь пока были в ходу политические методы принятия решения, открытые дискуссии и прочие навыки, выработанные во времена многопартийности.

Связанные революционным прошлым, подпольщики отчетливо ощущали дистанцию между собой и в десятки раз более многочисленными новыми партийцами. Усилилась их склонность к самоизоляции. Благодаря своей сплоченности и расположению на верхних этажах власти этот слой надолго приобрел исключительное влияние в государстве. А эволюция элиты, после того, как активность масс пошла на убыль, стала, пожалуй, главным фактором общественного развития.

Долго быть сразу служилыми и политическими людьми нельзя. Формулу трансформации политического мышления нашли позднее, но первые шаги сделали уже тогда — решительно ограничив допуск в элитную среду. По мысли подпольщиков эта мера оберегала партийную миссию от "карьеризма" новых людей. Одновременно такая прак-



тика, замыкая идеологию в избранном кругу, охраняла его власть от конкуренции и открывала дорогу для превращения политической идеи в религиозную.

Что с бою взято, то свято. Государственное строительство: гражданская власть, партийная власть, идеология. Вожди. Аппаратчики. Спецы. 1919 — 1920 и позднее.

Институты новой власти не появились в готовом виде. Они росли постепенно, по ходу работы в трех главных областях действия режима — в управлении государством, управлении партией и в интегрирующей партию и народ идеологической сфере.

Перспективную модель управления разработал Г.Е.Зиновьев — харизматический правитель Северо-Западного края. С 1918 года здесь шла довольно быстрая эволюция элитных структур. Зиновьев сразу взял в руки все основные виды власти, и поэтому неустойчивость их иерархии не отражалась на его положении. Как ближайший сподвижник В.И.Ленина, крупный идеолог и почти неограниченный региональный властитель, он получил яркий ореол в глазах местных партийцев и рядовых жителей.

Крепкой опорой Зиновьеву стал аппарат партийных функционеров, который он заботливо комплектовал из своих приверженцев. Политическая жизнь здесь быстро замерла и не оживлялась до 1925 года (за исключением недолговременных дискуссий после Кронштадтского восстания). Остаточная гражданская активность принимала формы направленного вовне петроградского патриотизма, а также левых, антисобственнических настроений.

Автономия края и централизация власти в нем настолько бросались в глаза, что его называли удельным княжеством. Здесь впервые осуществился способ правления, позднее установленный во всей стране, а именно, союз харизматического вождя с подчиненным ему, но отчасти автономным партийным аппаратом. Столь характерные для Петрограда левые чувства вскоре стали культивироваться повсеместно. Очень перспективной оказалась и патриотическая эволюция идеологии, тоже проведенная затем на государственном уровне.

Общество в целом не могло так же быстро, как Петроград, придти к этой модели. Сам масштаб задач, сложность внутрипартийной обстановки и личные склонности лидеров сделали путь к ней более длинным и извилистым. В 1919 — 1920 годах вообще казалось, что режим развивается в другом направлении.

Размежевание партийцев по государственным и партийным учрежде-

ниям началось сразу после Октября. С этих пор и стал актуальным вопрос об относительной роли тех и других. До революции подобная проблема не возникала. Высшими большевистскими лидерами тогда становились главным образом идеологи, которые, конечно, совмещали теоретические занятия с организационной работой.

После большевистской победы идеологический центр как сильный автономный институт не возник. В этом не было случайности. Революционная идеология в силу ярко выраженного посягательства на характер тесно соприкасалась с действительностью и поэтому постоянно привлекалась для обслуживания нужд практической политики. Ее авторитет и самостоятельность, конечно, терпели известный ущерб. На структурном уровне это проявлялось в подчинении идеологических учреждений организационным.

Не менее важна здесь и традиция. Духовная власть в России никогда не была независимой. Она всегда обслуживала власть светскую, занимая при ней почетное место младшего партнера.

Действие этого принципа хорошо прослеживается на примере Н.И.Бухарина — самого яркого из "чистых" идеологов. В 1918 году он был лидером левых коммунистов и мог претендовать на место главы правительства. Но прошло три года, и самостоятельные выступления Бухарина в дискуссии о профсоюзах оказались малоуспешными. Ему пришлось тогда объединиться с наркомвоенкомом Троцким и потерпеть неудачу уже под его началом. В 1923 — 1924 годах Бухарин, руководимый партийными организаторами Зиновьевым и Сталиным, успешно боролся с Троцким. В 1925 — 1927 годах под эгидой Сталина он идеологически обеспечивал разгром зиновьевской и Объединенной оппозиций. И, наконец, выступление против Сталина во главе "правого уклона" в 1928 — 1929 годах закончилось для Бухарина полной неудачей.

Реальное влияние поделили между собой организационные учреждения в государственной и внутрипартийной сферах. Отделение одних от других диктовалось нуждами партийной монополии. В системе представительной власти государственный аппарат подчиняется выборным политикам. Они же обычно контролируют и аппараты собственных партий. Партийные организаторы держатся в тени и охотно занимают те или иные посты на государственной службе. При новом режиме партия не хотела целиком раствориться в сфере государственного управления, требующей особой подготовки и обильно засоренной старыми знающими людьми ("спецами"). Кроме того, административная служба по самому характеру своей работы была склонна к праг-

матическим решениям и не могла хорошо отстаивать партийные ценности. Не имея возможности и желания стать на место госаппарата, значительная доля элиты конституировалась в обособленные партийные институты — в партаппарат.

В системе государственной власти, на почве, очищенной от старых учреждений, революционные структуры росли быстро, свободно и довольно независимо друг от друга. Вскоре стали заметны автономистские поползновения различных партийных слоев: армейских, хозяйственных, советских, карательных, профсоюзных. В этих условиях партийный аппарат олицетворял интегрирующую тенденцию. Его будущее зависело от того, какие устремления — центробежные или центростремительные — возьмут верх в партийной элите.

Иерархия партийных и советских органов на местах определилась довольно быстро. После Октября представительное начало в Советах постепенно сошло на нет. Исполнительная власть была теперь связана с управляемыми куда слабее, чем прежде. Но зато она гораздо больше зависела от организаторов правящей партии. Поэтому наверху встал местный партийный аппарат, ниже — подчиненный ему и тоже партийный Совет. Власть партии становилась многослойной. Высшая (аппаратная) власть назначала, а при необходимости сменяла и наказывала низшую (исполнительную), возложив на нее вину за те или иные практические неудачи. По новой схеме ответственности мандат на исполнительное правление выдавался не народом, а аппаратной властью. Народ передал ей свой суверенитет и предоставил духовное право отождествить свои цели с народными. Тем самым аппарат приобрел очень полезную для себя священную окраску. При этом не в его интересах было формально предопределять масштабы и характер собственного вмешательства в дела подчиненных институтов.

Среди подпольщиков были и сторонники другого подхода. Они предлагали четко разграничить задачи партийных и государственных органов, что на практике привело бы к росту влияния последних. Это течение (которое позднее называлось группой Демократического централизма) фактически выступало за ответственность государственной власти перед партийной массой, а не перед элитой, представляемой аппаратом. Децисты (Т.В. Сапронов, В.В. Осинский, В.М. Смирнов, В.Н. Максимовский) хотя и не ставили под вопрос партийную монополию, но внутри самой партии хотели сохранить политическое сознание и нормальную политическую жизнь. В этих рамках они отстаивали выборное начало (в том числе выборность чинов

партаппарата), коллективные процедуры принятия решений и т.п.

Их влияние вначале было заметным. Т.В. Сапронов, например, до 1919 года занимал пост председателя Моссовета. (Кстати, московская партийная организация в том, что касается дискуссионного духа и вообще политической активности, была до начала двадцатых годов своеобразным антиподом петроградской. Так продолжалось, пока ее не возглавил Н.А. Угланов — постоянный оппонент и ученик Г.Е. Зиновьева). Понемногу децистов вытеснили из руководящей сферы, а в 1921 году группа была распущена. Правда, ее осколок во главе со Смирновым и Сапроновым еще несколько лет продолжал безуспешную деятельность на партийной периферии.

Концепция демократических централистов — это идея диалога партийных верхов с низами, идея, основанная на вере в политическую конкурентоспособность элиты. В конечном счете подпольщики прекратили такой диалог. На внутривнутрипартийном уровне повторилась борьба политических течений 1917 года, и опять победил дух монополизма. Чтобы не делиться властью с партийными низами, элита практически отказалась от выборности и в государственных органах, и в партийных. На всех уровнях переходили к назначению чиновников сверху. Усиливалась аппаратная централизация. Элита приобрела черты религиозно спаянного служилого коллектива.

Причина здесь не в чьих-либо субъективных ошибках или, наоборот, прозорливости. Верный социальный инстинкт подсказывал верхам, что бескомпромиссный дух партийной массы можно обуздать только бескомпромиссными мерами. С неизбежными издержками приходилось мириться.

Свернув партийную политическую жизнь, элита отказалась и от собственного политического самоопределения. Свою судьбу она поручила группе высших руководителей, видя в них гарантов иерархического статус кво. Так что дальнейшая политическая борьба протекала в основном среди немногочисленных тогда членов Центрального Комитета. Влияние элиты проявлялось в поддержке тех из них, кто лучше других отстаивал ее цели и интересы.

Сначала наибольшую власть получили руководители центрального государственного аппарата, в первую очередь, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Эти вожди, одновременно бывшие идеологами, благодаря прямым связям с партийными низами и народными массами, снискали себе яркий ореол. Ореол, как знак народной духовной санкции, делал их национальными лидерами.

В России ореол (харизма) — как правило, следствие личной власти, а не наоборот. Когда лидера отстраняют от руководства,



его харизма быстро тускнеет. Надеясь отдельных лиц ореолом, народ и партийные массы оказывали сильнейшее влияние на эволюцию власти, не менее важное, чем внутренние процессы в элите. Среди самих же подпольщиков харизматические настроения встречали тогда насто-  
роженность. Ленин с большим тактом пользовался своим ореолом. Троцкий, напротив, пытался опереться на него в борьбе за власть, чем и вредил себе во мнении партийных верхов.

Потребности управления часто толкали вождей на прагматические меры, которые, упрочивая режим, одновременно задевали коллективные интересы партийной элиты и партийную идеологию. Наметилось известное противостояние, исход которого отнюдь не был предрешен. Поведение подпольщиков могло быть самым различным — от попыток демократическими способами взять вождей под контроль до принятия религиозной веры в их безошибочность. Поскольку от первых уже отказались, а для второй время еще не пришло, была взята своеобразная промежуточная линия. Ее выявила полемика вокруг роли спецов, коллегиальности и единоличия.

Спец действительно представляли серьезную проблему. Чтобы привести в действие государственный механизм, пришлось убедить или принудить сотни тысяч чуждых новому режиму людей пойти к нему на службу. Оказалось, что значительная (если не большая) часть служилой верхушки не входит ни в партийную элиту, ни даже в партию. Подпольщики были этим встревожены.

Первым открытым актом борьбы стала Военная оппозиция начала 1919 года. В армии использование военспецов (бывших царских офицеров) было весьма широким — в среднем и высшем комсоставе их оказалось больше половины. Оппозиционеры требовали отменить единоначалие для командиров-военспецов, усилить институт военных комиссаров и т.п. Предложения клонились к тому, чтобы гарантировать для партийцев основные посты в армии и ограничить власть верховного военного руководства, возглавляемого Л.Д.Троцким. Благодаря активным действиям В.И.Ленина оппозиция потерпела неудачу, а Красная Армия избежала разгрома в решающей кампании 1919 года.

Еще больший отпор вожди встретили в следующем году, когда начали внедрять единоличие в гражданской сфере. Подпольщики более или менее мирились с принципом назначенства, зато коллегиальность решений отстаивали не только децисты, но и такие видные иерархи, как А.И.Рыков и М.П.Томский. Групповое (вместе со спецями) руководство хозяйственными и советскими органами сохраняло подпольщикам высокий социальный статус, а переход к единоличию (когда хо-

заявленным единоначальником становился спец) — подрывал его. Против использования спецов как таковых в то время уже никто не возражал. Главной задачей подпольщиков в отношениях с ними было не допустить превращения спецов в параллельную элиту. И эта задача была решена более чем успешно.

Из-за решительного разрыва между старым и новым режимом сам факт взятия спеца на службу обозначал его полное моральное разоружение. Поэтому, несмотря на многочисленность спецов, социальные связи между ними не получили развития, и они не стали действующей группой. Некоторые из них были приняты в партию, а очень небольшое число даже вошло в ее элиту. Но в массе они навсегда остались мишенями для неприязни, упреков и наказаний.

Более того. С тех пор повелось, что часть служилых людей должна быть своего рода объектом приложения социальной активности остальных. Со временем эстафету от спецов приняли оппозиционеры из числа подпольщиков, потом подпольщики в целом, позднее — чиновники-евреи и т.д. Это сохраняло в служилом аппарате атмосферу гражданской борьбы.

Возвращаясь к обсуждаемому времени, заключим, что подпольщики не чувствовали себя достаточно твердо и нуждались в силе, которой могли бы доверить свою судьбу. Их взоры все чаще обращались к руководству партийного аппарата. По мере общей централизации власти его роль и влияние росли.

Обладая очевидной силой, не все аппаратные лидеры вызывали доверие к себе. Те из них, которые оставались исполнителями указаний государственных вождей, были непопулярны. Лучший пример здесь — Н.Н.Крестинский, секретарь ЦК в 1919—1921 годах. Зато занявшие самостоятельную позицию уверенно шли к успеху. Возглавляемый ими партаппарат, не связанный утилитарными государственными соображениями, в глазах подпольщиков мог выглядеть естественным защитником и выразителем их устремлений.

Представителем этой линии был И.В.Сталин. Придерживаясь ее по крайней мере с 1919 года, он осторожно сотрудничал со всеми радетелями партийных интересов, например, с Военной оппозицией и позднее даже с сапроновцами на Украине. Истоки сталинского авторитета восходят именно к этому времени.

Государственное руководство со своей стороны заботилось об удержании аппарата в руках. Первым Генеральным секретарем партии (не нося этого титула) был Я.М.Свердлов. Он почти единолично руководил организационной работой в 1918 — 1919 годах. Будучи уве-

рен в безоговорочной лояльности Свердлова, Ленин не препятствовал росту его влияния, которое уже начинало будить беспокойство в элитных кругах. Трудно сказать, смог бы Свердлов и дальше сохранять контроль над партийным Секретариатом. Если бы это случилось, он стал бы довольно очевидным фаворитом в последующей борьбе за власть.

Весной 1919 года Свердлов умер. К тому времени Ленин уже не считал возможным предоставить одному человеку столь влиятельный, как оказалось, пост. Свердлов был заменен целым коллективом работников — коллегиальными Оргбюро и Секретариатом. Руководителями там стали не близкие друг другу члены Политбюро Сталин и Крестинский.

Готово, да бестолково. Государственное строительство: милитаризация. 1919 — 1920.

В конце 1919 — первой половине 1920 года росла харизматическая власть государственных лидеров. При этом менялось соотношение сил между вождями. Л.Д.Троцкий, чей ореол заметно упрочился после побед над войсками А.И.Деникина и А.В.Колчака, хотел закрепить за собой роль соправителя и преемника В.И.Ленина. Казалось, что война кончается, и пора решать, как устроить государство в мирное время. Суммируя опыт советского, хозяйственного и особенно военного строительства, оба лидера выдвинули программу так называемой милитаризации и единоличного руководства. Весной 1920 года ее принял к исполнению IX партийный съезд.

Объявленной целью новой системы было восстановление экономики. Партийную идеологию потеснил дух административного прагматизма, если, конечно, считать прагматическим актом игнорирование социальных и духовных связей между людьми. Интерес к внешнему действию (мировой революции) снижался. Новой социальной перестройки не планировали. Частное крестьянское хозяйство сохранялось. Промышленности и транспорту придавали структуру военной организации, построенной на принудительном труде мобилизованных работников. На всех уровнях вводили единоначалие. Роль коллективных партийных и исполнительных органов ограничивалась как в принятии решений, так и при назначениях на должности. Рядовой исполнитель ставился в жесткие, даже суровые условия. Стимулами к повиновению и труду были наказания и поощрения, определяемые сверху. Принцип личного интереса теперь признавали и во многих областях отказа-

лись от уравнительного коммунистического распределения. Стремясь повысить крестьянскую производительность, Троцкий в феврале 1920 года даже предложил заменить продразверстку налогом. Этот проект, отчасти предвосхищавший нэп, был отклонен.

Система милитаризации (не очень точно названная потом системой военного коммунизма) была задумана как набор административных и экономических мероприятий, призванных обеспечить материальный подъем под руководством центральной власти, при ослаблении самостоятельности партийных структур и уменьшении роли партийной идеологии. Эта система оказалась неприемлемой для народа, поскольку при проведении ее в жизнь на первый план вышли методы принуждения.

Что касается подпольщиков, то их прохладное отношение к единоличию уже отмечалось. К этому надо прибавить следующее. Стихийный рост новых структур власти, при том, что они пытались регулировать все сферы жизни, дал весьма запутанную и прихотливую ведомственную систему. Многообразные переплетенные между собой вертикальные служебные оси сходились к тоже довольно многочисленным верховным органам государственного и партийного управления (Совнаркому, Совету обороны, Реввоенсовету, ЦК РКП(б), Политбюро, Оргбюро и т.д.). Масса не всегда компетентных подпольщиков могла удерживаться на верхних этажах правящих структур только благодаря их изобилию и неопределенной ответственности. Такой порядок сохранял в элите лояльное отношение к высшему руководству. Для последнего многоведомственность была полезна также и потому, что позволяла маневрировать между учреждениями, не давая слишком усилиться ни одному из них. Подобными достоинствами пришлось пренебречь лишь тогда, когда развитие бюрократической системы создало в стране угрозу хаоса и паралича власти.

Чтобы стать успешной, административная реформа должна была дать верховным правителям крепкие рычаги управления, и в то же время обеспечить привязанность к ним привилегированных групп. Эту вторую задачу милитаризация явно не решала. Гарантии высокого положения, вытекавшие из принадлежности к партийной элите, теперь ослаблялись системой назначества. Вероятно, чины военного ведомства, начальник которого был главным осуществителем милитаризации, воспринимали ее с большей теплотой, чем другие. Но и для них, как для слоя, высокий статус не предопределялся.

Что касается спецов, то их консолидация в группу поддержки была исключена тогдашней обстановкой, да и самой сутью новой сис-



темы. Переделанный административный аппарат должен был состоять из назначенных сверху и персонально не связанных друг с другом людей. Скрепить такую структуру мог только сверхъестественный авторитет лидеров. В глазах подпольщиков ореол В.И.Ленина, не говоря уже о Л.Д.Троцком, был для этого недостаточно ярким.

Кстати, "милитаризация" не стала милитаризацией в точном смысле этого слова. Военные структуры держатся не только на принуждении и наградах за работу. Их устойчивость невозможна без кастовой спайки верхов, без военной этики, без системы званий, гарантирующей человеку стабильное положение в иерархии. Подпольщики уже созрели для того, чтобы стать служилым сословием. Перед лицом вызова со стороны государственной власти в них росла готовность к истинной милитаризации. Оставалось найти силу, способную ее провести.

Продолжение следует